

Авторефер.
Ш-39

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

ШЕЙФЕР Лариса Соломоновна

**ФОРМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ**

Специальности: 12.00.03 — Гражданское право;
семейное право; гражданский процесс; международное
частное право, 12.00.09 — Уголовный процесс; судоустройство;
прокурорский надзор; криминалистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Москва, 1989

Работа выполнена в секторе теоретических проблем правосудия Института государства и права АН СССР

Научный руководитель—доктор юридических наук **А. М. Ларин**

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор **В. П. Кашепов**,
кандидат юридических наук **С. А. Иванова**.

Ведущая организация — Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции Министерства юстиции СССР.

Защита состоится «*21*» *ноября* 1989 г. на заседании Специализированного совета Д.002.0901 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук (специальности: 12.00.01 — теория и история государства и права; история политических и правовых учений; 12.00.08 — уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право; 12.00.09 — уголовный процесс; судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика) при Институте государства и права АН СССР (119841, Москва, ул. Фрунзе, 10).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института государства и права АН СССР.

Автореферат разослан «*2*» *октября* 1989 года

Ученый секретарь Специализированного совета кандидат юридических наук

Г. Л. Кригер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. XIX Всесоюзная партийная конференция признала одной из важнейших задач перестройки повышение роли суда в системе социалистической демократии¹. Эта задача включает разработку эффективных гарантий, обеспечивающих независимость суда, установление истины, предотвращение судебных ошибок и нарушений прав участников процесса. К таким гарантиям следует отнести и меры, направленные на совершенствование формы закрепления доказательств в судебном разбирательстве. От полноты протокола судебного разбирательства, правильности и точности отражения в нем результатов исследования доказательств самым непосредственным образом зависит аргументированность, убедительность и справедливость принятого судом решения. Как зеркало процесса, протокол позволяет составить представление о достаточности исследования доказательств в суде, о соблюдении надлежащей процедуры. Протокол служит гарантией реализации прав подсудимого, потерпевшего и других субъектов процесса в доказывании. Немаловажны для принятия и обоснования судебного решения также факультативные средства закрепления доказательств: стенография и звукозапись.

Между тем многочисленные наблюдения показывают, что качество протоколов судебного заседания в ряде случаев оказывается неудовлетворительным. Встречаются факты «подгонки» протокола под уже вынесенный приговор. Несовершенен правовой механизм устранения недостатков протокола, недостаточно для закрепления доказательств используется звукозапись.

В современных условиях «юридическая наука призвана разрабатывать оптимальные модели организации и деятельности суда, прокуратуры и органов МВД, методику анализа негативных

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. — М.: Политиздат. — 1988. — С. 146, 147.

явлений и пути их предупреждения»¹. Из этого мы исходим, определяя актуальность темы диссертационного исследования как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Цель диссертации состоит в изучении комплекса вопросов закрепления доказательств в судебном разбирательстве. Ставится задача:

— на основе анализа норм уголовно-процессуального и гражданского процессуального права определить сущность закрепления доказательств и его место в доказывании;

— выявить специфику отдельных форм закрепления доказательств;

— раскрыть доказательственное значение протокола судебного разбирательства, разработать рекомендации, обеспечивающие более точное и полное отражение в протоколе фактических данных, полученных судом, и соблюдение прав участников процесса на объективное запечатление этих данных;

— исследовать возможности более широкого применения таких средств закрепления доказательств, как стенография, звукозапись.

Конечная цель диссертационного исследования — разработка научных рекомендаций, направленных на преодоление имеющихся в практике недостатков в закреплении результатов судебного следствия, на совершенствование уголовно-процессуального и гражданского процессуального закона.

Методологическую основу исследования составляют труды классиков марксизма-ленинизма, Программа КПСС, решения XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС и XIX партийной конференции. В процессе исследования анализировалось уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное законодательство Союза ССР, уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических стран, Постановления Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, судебная практика. Наряду со специальной литературой использовались труды по философии, психологии, психолингвистике, семиотике. Основываясь на всеобщем диалектико-материалистическом методе, автор использовал также методы конкретных социологических исследований, сравнительное правоведение, системно-структурный подход, эксперименты со звукозаписывающей техникой. По специальной программе опрошены 201 адвокат (Москвы, Куйбышева, Томска), 80 прокуроров (Куйбышева, Томска), 204 судьи (Москвы, Куйбышева, Томска), 100 секретарей судебного заседания (Куйбышева, Томска). В диссертации использу-

¹ Кудрявцев В. Н. Советское государство: преемственность и обновление // Коммунист. — 1987. — № 16. — С. 49.

ются результаты изучения протокола судебного заседания по 200 уголовным и гражданским делам, рассмотренным судами г. Куйбышева и г. Томска.

Состояние разработки проблемы. Проблеме закрепления доказательств в судебном заседании в уголовно-процессуальной науке посвящали свои работы Б. Ф. Абушахмин, В. Б. Алексеев, П. Д. Баренбойм, М. М. Выдря, В. Глушков, В. Я. Дорохов, Н. А. Кан, Л. Д. Кокорев, Г. Н. Колбая, Э. Ф. Куцова, А. А. Леви, Я. Мазель, А. М. Макаров, Н. П. Макарова, М. М. Михлин, Т. Г. Морщакова, А. Я. Палиашвили, И. Д. Перлов, Р. Д. Рахунов, Г. С. Рубежов, В. Савченко, М. С. Строгович, Б. С. Тетерин, А. И. Трусов, Т. Б. Чеджемов, В. Я. Чеканов, Г. М. Шафир, С. Ф. Ширинский и другие авторы, а в науке гражданского процесса — Л. И. Александровская, П. Арапов, С. Гришунов, П. П. Гуреев, И. М. Зайцев, О. В. Иванов, С. А. Иванова, Е. Н. Ковалева, Б. Лапин, Э. М. Мурадян, А. Прохоров, М. К. Треушников, П. Я. Трубников и другие. Высоко оценивая предпринятый ими разносторонний анализ проблемы закрепления доказательств в судебном разбирательстве, следует вместе с тем отметить, что не все аспекты данной проблемы исследованы с необходимой полнотой, а некоторые не выяснены должным образом.

Несмотря на общность целей и средств закрепления доказательств в уголовном и гражданском процессе, связанные с этим вопросы рассматривались изолированно, в рамках уголовно-процессуальной или гражданской процессуальной науки, что затрудняет поиск оптимального решения. Дискуссионны представления о доказательственном значении протокола судебного заседания и факультативных средств фиксации, имеются существенные различия во взглядах на пути более эффективного закрепления доказательств в суде и обеспечения связанных с этим прав и законных интересов участников процесса. Между тем, данные проблемы могут быть оптимально разрешены при комплексном подходе — одновременно с позиций уголовно-процессуального и гражданского процессуального права.

Научная новизна работы определяется прежде всего самой темой, впервые избранной для специального исследования, а также методикой сопоставительного анализа предписаний уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства и практики закрепления доказательств в суде. Наиболее важными, имеющими как теоретическое, так и практическое значение, представляются, по мнению автора, следующие положения диссертации.

1. В уголовном и гражданском процессе доказывание не сво-

дится ни к внешнепредметным, ни к мыслительным операциям, а представляет собой познавательную деятельность, включая операции как первого (собираание доказательств), так и второго (оценка доказательств) рода.

2. В каждой из двух сфер осуществления правосудия собиране доказательств охватывает не только обнаружение источников информации, но и закрепление фактических данных. Этот вывод важен для преодоления противоречивых суждений о месте закрепления доказательств (особенно в гражданской процессуальной литературе).

3. Исследовано доказательственное значение протокола судебного заседания — основного, обязательного средства фиксации хода и результатов судебного разбирательства. Протокол, закрепляя фактические данные, полученные судом, становится одним из предусмотренных законом видов доказательств (ст. 87 УПК РСФСР, ст. 49 ГПК РСФСР), на которых суд основывает свое решение по делу. Протокол судебного заседания служит доказательством не только для вышестоящего суда, но и для суда I инстанции. Именно поэтому, удаляясь в совещательную комнату, суд должен иметь в своем распоряжении оформленный и подписанный протокол.

4. В уголовном и гражданском судопроизводстве участникам процесса принадлежит специфическое право на объективное запечатление доказательств. Все участники процесса, привлеченные или допущенные к собиранию доказательств, вправе требовать от органа расследования и суда полной и точной фиксации сообщенных ими либо полученных при их участии фактических данных, а при необходимости — внесения в соответствующий протокол дополнений и поправок.

5. Разработаны предложения о введении норм, более последовательно обеспечивающих полноту и точность протокола судебного заседания. Сформулированы рекомендации о дополнении действующих правил предписаниями об отражении в протоколе порядка проведения экспертизы, осмотра, очной ставки, предъявления для опознания, получения и исследования вещественных доказательств. Предложены дополнительные меры правового обеспечения процедуры принесения замечаний на протокол. В то же время аргументируется потребность установления новой, более надежной гарантии объективности судебного протокола — обеспечение участникам процесса возможности корректировать и удостоверять правильность протокольной записи непосредственно по окончании судебного действия, в котором они участвовали.

6. Обоснована необходимость более широкого внедрения стенографии как способа закрепления доказательств, полученных судом.

7. Приведены доводы в пользу более широкого применения звукозаписи в суде и определения в законе ее доказательственного значения, процедуры ее применения. Автор обосновывает с процессуальной, нравственной и технической сторон допустимость ведения звукозаписи защитником, обвинителем и другими участниками процесса.

Практическое значение работы состоит в том, что выводы ее могут быть использованы для совершенствования закона, регламентирующего закрепление доказательств в суде, и практики его применения. Обоснованные в диссертации конкретные предложения о дополнении действующего закона соответствующими предписаниями могут оказаться полезными для правотворческих органов в свете предстоящего пересмотра уголовно-процессуального законодательства, обновления гражданского процессуального законодательства. Положения диссертации могут быть использованы в научной и учебной работе.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения работы и предложения по совершенствованию законодательства изложены в опубликованных автором статьях. Они также доложены на научно-практической конференции адвокатов Томской областной коллегии адвокатов и на занятиях с секретарями судебного заседания, проводившихся отделом юстиции Томского облисполкома.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Содержание работы.

Первая глава «Закрепление доказательств и доказывание» посвящена определению понятия доказывания, выяснению его сущности, структуры, места закрепления доказательств в системе доказывания, анализу различных форм закрепления доказательств в уголовном и гражданском процессах.

Автор выделяет три различных подхода к определению понятия доказывания, сложившиеся в правовой науке:

1. Доказывание по уголовному либо гражданскому делу есть мыслительная деятельность, состоящая в аргументации, обосновании утверждений, выдвигаемых субъектом доказывания. Сторонники этой концепции (В. Н. Щеглов, Л. А. Ванеева, С. Ш. Болтуев, А. А. Эйман, Г. Р. Домбровский, В. С. Джатиев) выдвигают на первый план логический аспект доказывания, связанный с

обоснованием отстаиваемого положения. При таком подходе действия по собиранию и представлению доказательственной информации остаются за пределами доказывания. Такую «узкую» трактовку понятия доказывания автор считает неточной.

2. Доказывание по уголовному либо гражданскому делу состоит только во внешнепредметных действиях по собиранию доказательств (С. В. Курылев). Автор полагает, что правильное утверждение об активной роли суда в процессе доказывания доведено в этой позиции до крайности. Диссертант выражает несогласие с этой точкой зрения, выводящей оценку доказательств за пределы доказывания.

3. Доказывание рассматривается как комплекс практических и мыслительных операций, т. е. как осуществляемый в особой процессуальной форме процесс познания, охватывающий как собирание, так и оценку доказательств (М. С. Строгович, А. М. Ларин, А. Р. Ратинов, Н. Я. Якубович, О. В. Иванов, К. С. Юдельсон, Д. Н. Чечот, А. К. Сергун, М. К. Треушников и др.). Оценивая эту точку зрения, автор находит ее убедительной, основанной на положениях диалектико-материалистической гносеологии.

Анализ высказанных в литературе мнений по этому вопросу приводит к определению доказывания, применимого к уголовному и гражданскому судопроизводству: доказывание есть осуществляемая в установленных законом процессуальных формах деятельность органов, ответственных за производство по уголовному либо гражданскому делу, а также привлекаемых и допускаемых ими других участников процесса, которая состоит в собирании и оценке доказательств и направлена на познание истины относительно обстоятельств, подлежащих установлению в целях правильного решения дела.

Автор, рассматривая вопросы структуры доказывания, детально останавливается на его первом элементе—собирании доказательств. Из уголовно-процессуального закона (ст. 70 УПК РСФСР) вытекает, что суд вправе производить допросы, осмотры, назначать экспертизы и т. д. Как следует из названия статьи — «Собирание доказательств» — уголовно-процессуальный закон определяет эти действия именно как способы собирания доказательств. Детальный анализ гражданского процессуального законодательства (в частности, института обеспечения доказательств ст. 57, ст. 59 ГПК РСФСР; института судебных поручений ст. 51, 52 ГПК РСФСР) не дает оснований выводить познавательные действия суда за пределы понятия собирания доказательств. Используя метод сравнительного правоведения, автор приходит к выводу, что в уголовном и гражданском процессе собирание до-

казательств представляет собой сложную деятельность, охватывающую как обнаружение фактических данных, так и их рассмотрение, а также закрепление.

Диссертант не соглашается с мнением ученых-цивилистов (В. В. Молчанов, Л. И. Анисимова), которые не признают закрепление элементом собирания доказательств. Анализ института запечатления фактических данных в уголовном процессе позволяет заключить, что лишь зафиксированные результаты познавательных действий суда приведут к образованию доказательств в процессуальном смысле. Только после фиксации доказательств, придания им надлежащей процессуальной формы процесс получения доказательств может считаться завершенным. Специфика доказывания по гражданскому делу также не опровергает этого тезиса. Распространенное в гражданском процессе доказательство — документ следует считать полученным лишь после совершения ряда судебных действий, результаты которых должны быть отражены в протоколе судебного заседания (например, должны быть зафиксированы источник получения документа, результаты его осмотра, решение о его приобщении к делу).

Прибегнув к сопоставлению различных форм закрепления доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве, автор обращает внимание на необоснованно узкий круг допустимых в гражданском процессе факультативных средств закрепления доказательств. Диссертант высказывает предположение, что развитие законодательства, регулирующего собирание доказательств в гражданском процессе, охватит применение всех эффективных средств запечатления фактических данных, полученных судом.

Опираясь на философское определение формы, автор рассматривает формы закрепления доказательств в уголовном и гражданском процессе, различающиеся способами сохранения и передачи доказательственной информации, степенью адекватности запечатления. По этим основаниям выделяются отмеченные в науке предметная, наглядно-образная, графическая и знаковая формы фиксации доказательств.

Во второй главе «Протокол судебного заседания — основная форма закрепления доказательств в судебном заседании» исследуется доказательственное значение протокола судебного заседания, влияние этого документа на реализацию прав участников процесса, рассматриваются имеющиеся и разрабатываются новые гарантии полноты и объективности протокола судебного заседания.

Синтезируя различные точки зрения по вопросу о доказательственном значении судебного протокола, а также нормы действу-

ющего закона, автор показывает, что протокол судебного заседания, оформленный надлежащим образом и точно фиксирующий результаты исследования доказательств в суде, сам становится доказательством по делу и, следовательно, не может не приниматься во внимание судом при постановлении приговора или решения. Автор полемизирует с учеными, рассматривающими протокол как доказательство лишь для вышестоящих судебных инстанций. При этом диссертант ссылается на ст. 16 Основ уголовного судопроизводства и ст. 87 УПК РСФСР, которые относят к доказательствам протоколы следственных и судебных действий. Очевидно, в этом случае закон имеет в виду протокол судебного заседания, поскольку только в нем и ни в каком другом акте отражаются результаты познавательной деятельности суда (ст. 264 УПК РСФСР). Отмечая сложность решения этого вопроса в гражданском процессе, нормы которого не упоминают протокол судебного заседания в перечне средств доказывания, автор делает вывод об отсутствии каких-либо веских оснований различно определять доказательственное значение протокола в уголовном и гражданском процессе.

В работе обращено внимание на противоречивость некоторых законодательных положений, которые могут поставить под сомнение доказательственную ценность протокола. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 264 УПК РСФСР и ч. 3 ст. 228 ГПК РСФСР протокол может быть изготовлен после окончания судебного заседания. В этих условиях суд не имеет возможности использовать протокол при постановлении приговора или решения по гражданскому делу и, находясь в совещательной комнате, вынужден опираться на неустоверенные фактические данные. Более того, возможность оформления протокола после вынесения приговора не соответствует требованиям закона о том, чтобы суд основывал свое решение только на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании (ч. 1 ст. 301 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 192 ГПК РСФСР).

Опираясь на исследования психологов, автор полемизирует с учеными, не допускающими использование протокола в совещательной комнате при постановлении приговора или решения по гражданскому делу, т. к. это, по их мнению, противоречило бы принципу непосредственности (М. С. Строгович, Г. Н. Колбая, В. Е. Юрченко). Если видеть смысл непосредственности в том, что субъект доказывания лично и из первоисточника воспринимает доказательственный материал, то важнейшей ее предпосылкой служит создание условий, при которых суд смог бы сохранить результаты непосредственного восприятия. Трудно говорить о ре-

шении, основанном на непосредственном восприятии доказательств, когда суд не в состоянии эти доказательства запомнить, что зачастую происходит в длительных, тянущихся месяцами процессах.

Диссертант делает вывод, что отрицательная оценка доказательственного значения протокола судебного заседания объясняется прежде всего недостатками правового регулирования доказательственной деятельности. Ни положения теории доказательств, относящиеся к самому понятию доказательства и закономерностям его формирования, ни специфические условия судебного разбирательства не дают оснований к тому, чтобы исключить протокол судебного заседания из круга средств доказывания. Для реализации этих теоретических положений автор считает полезным изменение закона таким образом, чтобы протокол полностью изготавливался до удаления суда в совещательную комнату или даже раньше, до начала прений сторон. Также предлагается дополнить редакцию ст. 87 УПК РСФСР и ст. 49 ГПК РСФСР следующим: «также является доказательством по делу протокол судебного заседания». При проведенном автором опросе большинство адвокатов (91,9%), значительная часть прокуроров (74,4%), судей (67,8%), секретарей судебного заседания (71%) поддержали предложение о дополнении закона в этом направлении.

В работе обосновывается право участников процесса на объективное запечатление в материалах дела доказательственной информации, определены его значение и место в системе процессуального права.

Сущность рассматриваемого права состоит, по мнению автора, в том, что все участники процесса могут требовать от органа расследования, суда полной и точной фиксации сообщенных ими либо полученных при их участии фактических данных, а при необходимости — внесения в соответствующий протокол дополнений и поправок. В судебном разбирательстве по уголовному делу подсудимый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители вправе просить удостоверить в протоколе судебного заседания указанные ими факты (ст. 264 УПК РСФСР), обращать внимание на существенные, по их мнению, обстоятельства, связанные с осмотром вещественных доказательств (ст. 291 УПК), осмотром местности и помещений (ст. 294 УПК). Ознакомившись с протоколом, они вправе приносить на него замечания, добиваясь точного отражения полученных судом фактических данных (ст. 265 УПК РСФСР). Сходным образом регламентировано право на объективное запечатление в

гражданском процессе (ст. 178, ч. 2 ст. 228, ст. 229 ГПК РСФСР).

В системе уголовно-процессуальных норм это право составляет неотъемлемый элемент правового статуса соответствующего участника процесса: обвиняемого (подсудимого), защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, а также свидетелей, специалистов, понятых и др.

Значение права на объективное запечатление раскрывается при анализе процессуальной функции и законного интереса того или иного участника. Так, право на объективную фиксацию фактических данных, реализуемое подсудимым, выступает как обращенное к следователю и суду требование зафиксировать в протоколе все обстоятельства, способствующие защите от обвинения. Таково же содержание соответствующего права защитника. Потерпевший, гражданский истец, их представители, привлеченные или допущенные к участию в следственном и судебном действии, обращают внимание следователя и суда на обстоятельства, устанавливающие характер, размер причиненного им ущерба и т. п. Во многом сходным является право на объективное запечатление доказательств, которым наделены участники гражданского процесса: истец, ответчик, третьи лица. Диссертант замечает, что право на объективное запечатление доказательственной информации, реализуемое свидетелями, понятыми, специалистами, экспертами, т. е. лицами, самостоятельных процессуальных интересов не имеющими, обусловлено возложенной на них законом обязанностью сообщать или удостоверить сведения, правильно отражающие обстоятельства дела (ст. 73, 133, 135 УПК РСФСР).

Право на объективное запечатление доказательств служит не только средством защиты законных интересов участников процесса, но и гарантией установления истины. Последовательная его реализация служит надежным средством защиты протоколов следственных и судебных действий от ошибок и фальсификаций.

Автор обращает внимание на определенное противоречие: право на объективную фиксацию фактических данных, имея на стадии судебного разбирательства более широкое содержание, чем на предварительном следствии, обеспечено менее совершенной системой гарантий его реализации. Так, в суде подсудимый и потерпевший, имея право приносить замечания на протокол, лишены возможности непосредственно удостоверить его правильность, как это имеет место на предварительном следствии. Не наделены таким правом в суде и свидетели. Автор считает такое положение неоправданным, полагая, что протокол судебного заседания может и должен стать важной процессуальной гарантией

специфического субъективного права участников процесса на объективное запечатление фактических данных, гарантией установления истины по делу.

Автор подчеркивает, что протокол судебного заседания может служить гарантией прав участников процесса лишь при условии его полноты и точности. Между тем анализ судебной практики, результатов опроса практических работников позволяет сделать вывод о низком качестве судебных протоколов. Так, почти половина опрошенных адвокатов оценила протоколы по пятибалльной шкале как неудовлетворительные, столько же высказались за оценку «3» и лишь 6,6% сочли возможным дать протоколам более высокую оценку. Несколько выше оценка протоколов, данная прокурорами. Однако и здесь три четверти опрошенных не подняли оценку выше трех баллов. Оценки судей были более оптимистичны: почти 45% опрошенных высоко оценили качество протоколов и всего 5,6% высказались за неудовлетворительную оценку. Это, видимо, объясняется тем, что судьи сами являются авторами оцениваемых ими протоколов.

Обобщая результаты изучения практики протоколирования при рассмотрении уголовных и гражданских дел, автор выделяет ряд типичных недостатков судебных протоколов, это: 1) неполная, чрезмерно обобщенная запись показаний; 2) стилизация показаний путем изложения их официальным юридическим языком, неприменение дословной записи; 3) неполная фиксация хода допросов: в протоколах не отражаются вопросы участников процесса и ответы допрашиваемых, содержание перекрестных допросов и очных ставок; 4) неполно фиксируются другие действия суда и сторон по исследованию доказательств: осмотр вещественных доказательств, оглашение документов и протоколов, постановка вопросов перед экспертом, оглашение заключения эксперта, его допроса; 5) подгонка текста протокола под вынесенное судом решение и приговор; 6) грубое нарушение сроков составления протокола, неряшливое оформление протоколов. Автор определяет субъективные и объективные причины этих недостатков. К субъективным относятся слабые профессиональные знания секретарей судебного заседания; стремление облегчить ведение протокола за счет отказа от фиксации части информации; стремление судей улучшить показатели своей работы — предотвратить отмену неправосудных актов посредством манипуляции с протоколами и т. п. К объективным относятся перегруженность судей и секретарей; отсутствие средств оргтехники, невозможность сохранить в памяти в течение длительного времени содержание показаний и другие фактические данные и т. п.

Диссертант считает, что введение дополнительных правовых гарантий полноты и точности протокола может ослабить или полностью нейтрализовать действие отмеченных негативных факторов. Предлагается два направления решения этой задачи: развитие, дополнение и совершенствование действующих норм, регулирующих составление протокола судебного заседания, и законодательное закрепление новых эффективных правил изготовления судебного протокола. Так, автор предлагает дополнить уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный законы требованиями подробного отражения в протоколе хода и результатов таких действий, как допросы, осмотры, предъявление для опознания, очные ставки, экспертизы. Детальное определение в законе всего того, что должно найти отражение в протоколе при проведении судебных действий, может способствовать точности и объективности этого процессуального акта.

В работе рассматриваются действующие гарантии полноты и точности судебного протокола: удостоверение протокола после его окончательного оформления подписью председательствующего и секретаря судебного заседания (ч. 4 ст. 264 УПК РСФСР, ч. 4 ст. 228 ГПК РСФСР); подача участниками процесса замечаний на протокол судебного заседания (ст. ст. 265, 266 УПК РСФСР, ст. ст. 229, 230 ГПК РСФСР); право секретаря в случаях разногласия с председательствующим по поводу содержания протокола приложить свои замечания (ст. 244 УПК РСФСР).

Используя результаты опроса и изучения практики протоколирования по конкретным делам, диссертант приходит к выводу, что эти гарантии недостаточны. Так, было выяснено, что практически ни один из опрошенных секретарей судебного заседания не вступал в пререкания с судьей по поводу содержания протокола. Формальное отношение к институту подачи и рассмотрения замечаний на протокол также не позволяет считать эту гарантию эффективной. Так, принесение замечаний затруднено из-за того, что в протоколе не обозначается дата его окончательного оформления. Существенным недостатком рассмотрения замечаний является необязательность вызова по этому вопросу в распорядительное заседание суда лица, подавшего замечания; участие в заседании народного заседателя, не рассматривавшего дело по существу. Ни один из опрошенных адвокатов г. Куйбышева и г. Москвы, подавших замечания, не вызывался в распорядительное заседание суда для их рассмотрения. Более того, 47,2% опрошенных судей, 50% прокуроров признали, что в их практике защитник, подавший замечания, в суд никогда не вызывался. Автор поддерживает предложение об изменении закона с тем, чтобы лицо, подавшее заме-

чания, имело возможность непосредственно обосновать необходимость их принятия, чтобы состав суда был тот же, что и рассматривал дело по существу.

В работе исследуются и такие недостатки рассмотрения замечаний, как отсутствие определенного в законе срока для их разрешения; невозможность обжалования определения суда либо постановления судьи об отклонении либо принятии замечаний и т. д. Диссертант высказывает конкретные предложения, направленные на устранение этих недостатков. Вместе с тем в работе отмечается, что принятие этих предложений не в состоянии полностью обеспечить точность протоколирования, поскольку не устраняется практически неконтролируемый отбор и искажение секретарем информации, получаемой на судебном следствии. Анализируя различные точки зрения, а также результаты опроса практических работников, учитывая и Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, автор поддерживает высказанное в литературе предложение о закреплении в законе правила об удостоверении допрошенными в суде лицами записи их показаний сразу же после допроса. Развивая эту точку зрения, автор полагает, что участники процесса должны иметь возможность удостоверять точное закрепление не только показаний, сообщенных ими лично, но также результатов других судебных действий, в которых они принимали участие. Диссертант полемизирует с учеными, полагающими, что введение подобной процедуры затянет, усложнит процесс, снизит авторитет суда, вступит в противоречие с принципом непосредственности (В. Я. Дорохов). Наряду с теоретическими соображениями, против подобных опасений убедительно говорят результаты опроса практических работников: почти все адвокаты (91,4%), большинство прокуроров (61,5%) и значительная часть секретарей судебного заседания (41,5%) высказались за целесообразность реализации этого предложения. Меньше всего его сторонников было среди судей (33,2%).

— Третья глава «Факультативные средства закрепления доказательств в судебном заседании» посвящена анализу практики применения машинописи, стенографии, звукозаписи в суде, определению значения этих форм фиксации доказательств, разработке путей их широкого применения при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Автор подробно рассматривает историю возникновения и применения судебной стенографии, отмечает ее достоинства и недостатки. К первым относится полное и дословное отображение показаний и устных заявлений, что предотвращает утечку информации, связанную с ее преобразованием при рутинном протоко-

лировании. Но недостаток стенографии — отображение избыточной информации (ненужных повторений, явных отклонений от существа дела и т. п.) — затрудняет уяснение действительно важных обстоятельств. Оба эти момента диссертант учитывает при определении эффективности стенограммы в суде. В работе обращено внимание, что расшифровка стенограммы должна стать протоколом, ибо «стенографическая запись», т. е. первичный документ, изготовленный стенографом, действительно становится ненужным только после его расшифровки и составления протокола. Именно таким образом автор предлагает определить в законе процессуальное значение стенографических записей. Диссертант предлагает более широко применять стенографию (особенно по сложным и многоэпизодным делам), опираясь при этом на мнение практических работников, считающих, что эта форма фиксации повысит полноту и точность закрепления хода и содержания судебного следствия.

В диссертации рассмотрены вопросы применения в судопроизводстве звукозаписи. Нормативную регламентацию использования этого средства в суде нельзя считать удовлетворительной. Так, ст. 264 УПК РСФСР устанавливает возможность применения в суде звукозаписи допросов, причем процедура звукозаписи в ней не определена. В гражданском процессе звукозапись вообще не упомянута среди допустимых средств запечатления доказательств. Представляется, что расхождение между уголовно-процессуальным и гражданским процессуальным законодательством, призванным регулировать процесс собирания однотипной по форме и содержанию информации, ничем не оправдано. В связи с этим автор поддерживает предложение ученых о конструировании в законе общих критериев допуска в процесс доказательств, полученных с помощью научно-технических средств.

В диссертации анализируются взгляды ученых на проблему применения звукозаписи в суде, рассматривается сложившаяся практика использования этого приема фиксации доказательств. Автор формулирует следующие условия применения звукозаписи в суде: секретарь судебного заседания, получивший специальную подготовку, обученный навыкам звукозаписи, должен осуществлять ее, фиксируя ход и содержание судебного разбирательства. Запечатлению подлежат фактические данные, непосредственно воспринятые и исследованные судом в ходе рассмотрения дела. Суд должен иметь возможность воспроизводить фонограмму в совещательной комнате при постановлении приговора или решения.

Опираясь на мнение практических работников, диссертант отмечает, что даже при оснащении судов высококачественной зву-

козаписывающей техникой фонограмма не сможет заменить протокол, который в силу принадлежащих ему преимуществ (отсутствие избыточной информации, простота изготовления и воспроизведения) должен оставаться основным и обязательным средством фиксации.

Подводя итог рассмотрению вопроса о процессуальном значении фонограммы, полученной в суде, автор делает вывод, что вместе с протоколом судебного заседания фонограмма образует сложное доказательство, элементы которого дополняют друг друга. Успешному применению звукозаписи в суде способствовало бы дополнение уголовно-процессуального и гражданского процессуального закона правилами, четко определяющими доказательственную природу фонограммы и регламентирующими порядок ее применения.

Более широкое применение современных технических средств в суде первой инстанции может быть обеспечено предоставлением участникам процесса права самостоятельно осуществлять звукозапись. По личным наблюдениям автора, а также данным опроса адвокатов и прокуроров, звукозапись как форма фиксации доказательств применяется в суде крайне редко. Так, лишь 19,7% опрошенных адвокатов и 15,4% прокуроров когда-либо применяли в своей практике звукозапись.

До сегодняшнего дня применение звукозаписи участниками процесса продолжает оставаться предметом острой полемики. Решение этого вопроса намечено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 15 от 5.12.86 г. «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия». В нем специально подчеркивается необходимость устранить факты воспрепятствования лицам, присутствующим в зале суда, в ведении записи по ходу процесса. 91,9% опрошенных адвокатов, 14,4% опрошенных прокуроров, 14% судей отнеслись положительно к предложению наделить защитника правом самостоятельно применять звукозапись в суде. Автор выяснил причины, по которым столь незначительное количество судей поддержали эту идею. Оказалось, что 10,3% опрошенных судей считают, что защитник не должен применять звукозапись, т. к. звукозаписывающее устройство шумит и мешает ведению процесса, 46,3% опрошенных считают, что защитник не должен применять звукозапись, т. к. это может быть истолковано как недоверие к суду, 38,8% судей полагают, что проведение защитником звукозаписи будет отвлекать суд от существа рассматриваемого дела и сосредоточивать внимание судей на соблюде-

нии формальностей, относящихся к проведению судебного следствия. Мнение судей, а также ученых, выступающих за ограничение права участников процесса на ведение звукозаписи (А. М. Макаров, А. А. Леви, П. Хархорин), диссертант не разделяет. Эксперимент со звукозаписывающей техникой, проведенный автором в одном из районных судов г. Куйбышева, показал, что магнитофон не может быть источником шума, нарушающим нормальный ход процесса, а потому возражения судей и научных работников против применения звукозаписи участниками процесса по этим мотивам необоснованны. Опровергаются и иные доводы в этом направлении.

Представляет интерес и вопрос о значении фонограммы, изготовленной участником процесса в ходе судебного разбирательства. Решить его можно лишь с учетом неправового характера звукозаписи и возможности ее последующего процессуального использования. Поскольку звукозапись производится не судом, а участниками процесса «для себя», она не может считаться официальным документом, удостоверяющим ход и результаты судебного следствия. Но, с другой стороны, она может способствовать:

а) подготовке к судебным прениям, написанию кассационных жалоб и протестов. В этих случаях фонограмма выступает как средство оргтехники;

б) обоснованию замечаний на протокол судебного заседания. Фонограмма в этих случаях иногда приобретает доказательственное значение;

в) обоснованию кассационной жалобы или протеста. В этом случае фонограмма становится дополнительным материалом, который кассатор вправе приложить к своей жалобе. Принимая фонограмму во внимание и ссылаясь на нее при отмене или изменении приговора, суд второй инстанции также придает ей доказательственное значение.

Автор заключает, что все участники процесса вправе производить звукозапись хода судебного разбирательства, т. к. этому нет ни процессуальных, ни технических, ни нравственных препятствий.

В заключении работы приводятся краткие выводы исследования и сформулированы некоторые изменения и дополнения действующего законодательства. Так, предлагается:

1) дополнить гражданский процессуальный закон нормой, аналогичной ст. 70 УПК РСФСР, и в общем виде регламентирующей собирание доказательств: допрос, осмотр, назначение экспертизы, а также истребование и представление предметов и документов;

2) включить в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик норму, аналогичную ст. 179 ГПК РСФСР, предусматривающую применение при судебном осмотре факультативных средств фиксации (планов, схем, фотоснимков и др.); включить в гражданское процессуальное законодательство правила, регламентирующие основания и порядок приобщения к делу вещественных доказательств;

3) изменить закон, закрепив в нем требование об окончательном изготовлении протокола до удаления суда в совещательную комнату, или даже раньше, до прений сторон;

4) более детально регламентировать отражение в протоколе хода и результатов допросов, экспертизы, осмотра, очной ставки, предъявления для опознания, получения и исследования вещественных доказательств;

5) изменить процедуру рассмотрения замечаний на протокол с тем, чтобы они рассматривались тем же составом суда, который рассматривал дело по существу; лицо, подавшее замечания, а также лица, чьи интересы затрагивают поданные замечания, должны быть уведомлены о дне их рассмотрения и приглашено в заседание суда;

6) дополнить уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный закон следующим предписанием: «В ходе судебного заседания допрошенные судом лица, а также лица, привлеченные судом к участию в действиях по собиранию доказательств, удостоверяют своей подписью правильность записей в протоколе судебного заседания своих показаний либо результатов судебных действий, вносят в записи дополнения и уточнения, которые считают необходимыми»;

7) закрепить в законе правило о широком использовании стенографии в суде;

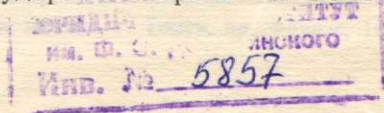
8) четко определить в законе, что фонограмма, изготовленная судом, имеет доказательственное значение как по уголовному, так и по гражданскому делу.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Протокол судебного заседания как доказательство. // Уголовная ответственность и ее реализация. — Куйбышев: КГУ. — 1985. — С. 155—161.

2. Доказательное значение протокола судебного заседания. // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР. — М.: Изд. ИГП АН СССР. — 1985. — С. 128—131.

3. Право участников процесса на объективное отражение фактических данных. // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и юри-

дического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Изд. ИГПАН СССР. — 1986 — С. 140—141.

4. Затрудняет ли магнитная запись слушание дела? // Советская юстиция: — 1986. — № 2. — С. 20.

5. Ведение протокола судебного заседания как гарантия прав участников процесса. // Адвокатура и современность. — М.: Изд. ИГП АН СССР. — 1987. — С. 101—104.

2882

5857

Сдано в набор 6.06.89. г. Подписано к печати 21.06.89 г.
Формат 60×84¹/₁₆ п. л. 1,25, уч.-изд. л. 1,17. Заказ 2993. Тираж 150.

Типография издательства «Красное знамя», г. Томск, пр. Фрунзе, 103.